

УДК 81 42

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОМПОЗИТНЫХ ФИТОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Садыкова А.Г., Мингазова Р.Р.

ГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань,
e-mail: rushaniyam@mail.ru

В статье в рамках актуальной проблемы системной организации лексики проводится сравнительно-сопоставительный анализ принципов номинации растений во французском, английском и татарском языках. Предпринята попытка выделения и описания ономаσιологических моделей, лежащих в основе вторичной номинации растений в рассматриваемых языках. Были выделены следующие основные ономаσιологические типы композитных фитонимов: 1) объективный признак растения (цвет, вкус, запах, форма), эксплицитно отраженный в наименовании + опорный компонент; 2) метафорически переосмысленный компонент + опорный элемент/первообразное имя; метафорическое словосочетание; 3) зооним с possessивным значением + опорный элемент/первообразное имя; метафорическое словосочетание; 4) компонент, содержащий элемент этиологического мифа + опорный элемент/первообразное имя; компонент, содержащий элемент этиологического мифа + метафорически переосмысленный компонент; 5) оценочный знак + опорный элемент/первообразное имя; 6) компонент, отражающий функционально-целевой признак растения + опорный элемент/первообразное имя. Общей чертой сравниваемых языков является количественное преобладание наименований растений, основанных на их объективных признаках. Метафорические трансформации одного из элементов, а также аллюзии на этиологические мифы в большей степени присущи английскому и французскому языкам. Для татарского языка более характерны фитонимы, в семантику которых включена оценочность, а также наименования, в которых отражены функционально-целевые признаки растений.

Ключевые слова: лексика, лексикология, вторичная номинация, фитоним, ономаσιология, ономаσιологическая модель

ONOMACIOLOGICAL MODELS OF COMPOSITE PHITONYMS IN THE FRENCH, ENGLISH AND TATAR LANGUAGES

Sadykova A.G., Mingazova R.R.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, e-mail: rushaniyam@mail.ru

The article is devoted to the national peculiarities of phitonyms, their structure and semantics in the English, French and Tatar languages. The authors analyze the ways of word formation based on culturally relevant characteristics of the plants. The essential onomasiological models of composite phitonyms are the following: 1) explicitly reflected objective sign of a plant (color, taste, odor, form, etc) + reference component; 2) metaphorically transformed component + reference component / primitive name; metaphorical expression; 3) zoonym with a possessive meaning + reference component / primitive name; 4) component containing an element of an etiological myth + reference component / primitive name; component, containing an element of an etiological myth + metaphorically transformed component; 5) evaluation mark + reference component / primitive name; 6) component, reflecting functional sign of a plant + reference component / primitive name. The common characteristic of the compared languages is the quantitative predominance of phitonyms based on the objective signs of plants. Metaphorical transformations and allusions to etiological myths are more typical for the English and French languages. In the Tatar language the models based on evaluation characteristics and functional signs of plants are more productive.

Keywords: lexis, lexicology, secondary nomination, phitonym, onomasiologie, onomaciological model

Вторичная номинация, при которой создание новых наименований основывается на уже существующих в языке единицах, – широко распространенное явление во всех рассматриваемых языках. Названия растений как продукты вторичной номинации рассматривались в трудах В.А. Меркуловой (1967), В.Б. Колосовой (2010), Ю.А. Каминской (2002), Н.Б. Бургановой (1976), Г.Г. Саберовой (1996), Т.Х. Хайрутдиновой (2004), Е.А. Булах (2001), R. Arveiller (1978), J. Feller (1981), P. Garnier (1987), J. Seguy (1953) и др.

Лексика природы, частью которой являются народные названия растений, характеризуется значительной пестротой, неупорядоченностью моделей как в словообразовательном, так и в ономаσιологическом отношении» [2; 67].

Под ономаσιологическими моделями, вслед за Н.Д. Голевым, мы понимаем частотно воспроизводимые в языке конструкции, «служащие ориентиром при создании других наименований однородных предметов» [там же].

В народной фитонимике разноструктурных языков, ставшей объектом нашего исследования, проблема классификации ономаσιологических моделей осложняется их многообразием. Ботанической номенклатуре как никакому другому лексико-семантическому классу слов присуще явление гетерономинативности, когда один и тот же объект действительности получает несколько наименований по нескольким различным моделям.

В современных лингвокультурных исследованиях большое значение приобретает понятие культурно-релевантного признака

(см. О.И. Быкова, 2005; В.Б. Колосова, 2004; Т.И. Вендина, 2002; С.М. Толстая, 2002; А.Б. Ипполитова, 2002 и др.). Признак лежит в основе древнейшего процесса номинации, называния, присвоения объекту живой природы специфического имени. Так, например, растение «болиголов» получает свое название в силу признака, представляющего наибольшую важность для человека – способностью отравить, вызвать головную боль. Среди множества признаков, которыми можно было бы описать данное растение – цвет, форма листьев, схожесть с другим объектом живой или неживой природы и т.п., – национальная культура выбирает один, представляющийся наиболее важным.

Вместе с тем не следует забывать о том, что номинация имеет языковую основу, и ее принципы не могут быть полностью обусловлены свойствами объекта растительного мира, так как они носят внеязыковой характер. Свойства растений являются порождающей основой фитонимов, но не фиксируют их языковое воплощение. Ономастиологическая модель во многом задается узусом, языковой традицией, сложившейся в том или ином национальном языке.

В нашем исследовании мы делаем попытку выделить и описать способы формирования вторичных растительных номинаций, наиболее характерные для французского, английского и татарского языков.

1. Объективный признак растения + опорный элемент/первообразное имя.

При образовании ботанической лексики могут использоваться различные объективные признаки растений (цвет, вкус, запах, твердость, мягкость, форма цветка, листьев и корня, съедобность, ядовитость, и т.д.), напрямую фиксируемые в языке номинатором. Так, мотивацию целого ряда фитонимов составляет сема определенного цвета, напр. *chénopode blanc* «лебеда, марь белая»; *lamier blanc* «яснотка белая, глухая крапива», *white sweet clover* «донник белый», *white melandrium* «дрема белая», *акбаш* «тысячелистник», *актэтэй* «ромашка».

2. Метафорически переосмысленный компонент + опорный элемент/первообразное имя; метафорическое словосочетание.

В исследуемом нами материале достаточно велико количество фитонимов, содержащих хотя бы один метафорически переосмысленный компонент. Предметы, с которыми сравниваются растения, крайне разнообразны. Это могут быть и предметы одежды: *capuchon des moines* (букв. «монашеский капюшон») или *casque de Jupiter* (букв. «шлем Юпитера») – «аконит, волчий корень», *devil's helmet* «борец» (досл.

«шлем дьявола»), *каеш яфрак* «грушанка» (букв. «листок-пояс»), *башмакчэчэк* «башмачок» (букв. «цветок-башмачок»); органы человека: *main du diable* «ятрышник» (букв. «рука дьявола»); *barbe de capucin* «цикорий обыкновенный» (букв. «борода капуцина»); предметы быта, обихода – *corbeille d'argent* «алиссу» (букв. «корзина серебра»), *bâton royal* «асфоделиус» (букв. «королевская трость»), *чүлмэк чэчэге* «куколь» (букв. «цветок горшок»), *көтүче инәсе* «аистник» (букв. «иголка пастуха»).

3. Зооним с possessивным значением + опорный элемент/первообразное имя.

Особо следует остановиться на роли зоонимической лексики в этноботанической номинации. Растения могут получить название в связи со сходством с частью тела животного, напр. *piéd d'alouette* «дельфиниум, живокость» (букв. «лапка жаворонка»), *piéd-de-veau* «клещинец» (букв. «телячье копыто»), *песи тәпичәсе* «кошачья лапка», *бүре аягы* «плаун» и т.д.

Растение может «приписываться» тому или иному животному – *ail de cerf* «черемша» (букв. «олений чеснок»), *rain de coucou* «кислица обыкновенная» – (букв. «кукушкин хлеб»), *каз билчәне* «осот огородный», *саескан жиләге* «паслен», *бүре борычы* «купена лекарственная», *чыпчык кузгалагы* «щавель малый».

При номинации растений может приниматься во внимание величина животного. Присоединение слов «мерин», «конь», «верблюд», «бык», «медведь» к названиям растений заменяет прилагательное «большой, крупный». Ат кузгалагы «конский щавель» – отличается от обычного щавеля большими, крупными листьями и высоким стеблем. Для выражения уменьшительности, напротив, используется семантически ограниченная группа прилагательных, обозначающих маленьких животных (мышинный, воробьиный, муравьиный и т.д.). Например, *чыпчык кузгалагы* «щавель малый», *сыерчак кузгалагы* «щавель малый», *тычкан борчагы* «мышинный горошек», *песи тарысы* «амарант, кошачье просо» и др.

4. Компонент, содержащий элемент этимологического мифа + опорный элемент/первообразное имя; компонент, содержащий элемент этимологического мифа, + метафорически переосмысленный компонент

В названии растения в свернутом виде может храниться этимологическая легенда. Во французской и английской фитонимике следует прежде всего отметить номинацию растений, связанную с библейской тематикой: *cierge de Notre-Dame* (букв. «свеча богородицы») «коровяк, медвежье ухо», *herbe de la sainte Vierge*, *bouquet de Notre-Dame*

(букв. «трава Пресвятой Девы, букет Богородицы») «горечавка», *herbe de Bon Dieu* (букв. «трава боженьки») «гвоздика»; *palme du Christ* (букв. «Христов венец») ятрышник.

Ряд фитонимов включает в себя имена святых. Так, например, *herbe de saint-Georges* (букв. «трава святого Георгия») «валериана лекарственная, маун»; *herbe de saint-Guillaume* (букв. «трава святого Гийома») «решоток обыкновенный», *St. Benedict's thistle* «кникус аптечный» (букв. «бенедиктов чертополох»), *St. George's Beard* (букв. «борода св. Георгия») «молодило кровельное».

Немалое количество растений получило наименование по имени того или иного мифологического персонажа. Так, напр. *Jupiter's eye* (букв. «глаз Юпитера») «молодило кровельное», *sabot de Vénus* (букв. «башмак Венеры») «орхидея – циприпедиум», *petite centauree commune* «золототысячник обыкновенный» (данное наименование происходит от имени кентавра Хирона, который воспользовался растением, чтобы исцелить рану на ноге, нанесенную Геркулесом).

В татарской фитонимике отразились фрагменты тотемистической мифологии – наделии матерями, отцами, братьями, сестрами явлений окружающего мира [1:9]: арыш анасы «мать ржи, спорынья» (как отметинка матери ржаного поля), чэчэк анасы «мать оспы».

Верования татар отразились в следующих фитонимах: пэйгамбэр сакалы, пэйгамбэр тырнагы, «календула лекарственная, ковыль, волосатик», фэрештэ уты «дудник», фирештэ куагы «донник».

5. Оценочный знак + опорный элемент/первообразное имя

В земледельческой практике людям необходимо было различать семена и всходы культурных растений от сорных. В результате в национальных языках регистрируются семасиологические модели – сочетания названия культурного растения с пейоративным эпитетом. Так, названия диких растений в ботанической терминологии обычно снабжаются эпитетами «полевой», «дикий», «пустой», «дикий», «ложный», которые прибавляют к названиям растений семантику «дикий, ненастоящий». Примерами могут послужить следующие фитонимы: *lin sauvage* «лен слабительный» (букв. «лен дикий»), *rave sauvage* «редька дикая», *faux narcisse* «нарцисс ложный», *wild tomato* «паслен каролинский» (букв. «дикий помидор»), *кысыр тары* «ежовник» (букв. «пустое просо»), *карабадай гөле* «бегония-рекорд» (букв. «цветок гречиши»), *ач солы* «овес пустой, овсюг».

Для выражения отрицательной оценки в названиях трав использовались также наименования отрицательных мифологических персонажей – злых духов, например, *pavet*

du diable «бриония, переступень» (букв. «чертова репа»), *mors du diable* «сивец луговой» (букв. «чертов мундштук»), *шайтан таягы* «чертополох, татарник» (букв. «чертова палка»), *пәри кычытканы* «яснотка», *шайтан гөмбәсе* «гриб сатанинский», *аждаһа агачы* «драконово дерево».

6. Компонент, отражающий функционально-целевой признак растения + опорный элемент/первообразное имя

Естественно, что большое количество растений получило свое название в связи с использованием их в народной медицине, знахарстве. Название может быть обусловлено желаемым результатом лечения или отражать названия тех болезней, недомоганий, которые можно, с точки зрения народной медицины, вылечить этой травой. Так, например, тысячелистник употреблялся для лечения ран, чем объясняются его французские названия *herbe aux coupures* (букв. «трава от порезов»), *herbe au charpentier* (букв. «плотницкая трава»), *saigne-nez* (букв. «кровь из носа»). Растения, обладающие одним и тем же свойством, могут получать одинаковые названия и нагружаться сходной символикой, а также использоваться схожим образом. Так, название *herbe à la fièvre* (букв. «трава от лихорадки») носят одновременно растения дудник лесной, дягиль лесной, гравилат городской, золототысячник обыкновенный.

В целом, модель «трава от...» (*herbe à...*, ...root, ... тамыры, ... үләне) весьма продуктивна во всех рассматриваемых языках. Во французском языке это, напр., *herbe-aux-vegues* (букв. «трава от бородавок») чистотел большой, бородавник, чистуха (оранжевый сок чистотела употреблялся для прижигания бородавок), *herbe aux hémorroïdes* (букв. «трава от геморроя») «чистяк весенний», *herbe à tous les maux* (букв. «трава от всех болезней») вербена; в татарском языке – *бизгәк үләне* «василисник» (букв. «трава от малярии»), *очык печәне* «тысячелистник» (букв. «трава от недержания мочи»), *чабыр үләне* «богородская трава, чабрец» (букв. «трава против сыпи»); в английском языке *rheumatism root* «кутра коноплевая» (букв. «корень от ревматизма»), *posebleed plant* «тысячелистник обыкновенный» (букв. «трава от носовых кровотечений»).

В названии растения иногда отражается название большого органа: *pulmonaire* «лекарственная медуница, медунка, легочница». Слово происходит от (*roumon*) – легкое, так как в древности растению приписывались способности лечения легочных болезней. На самом деле действительности это не соответствует, ошибочное мнение основывалось на теории «знаков», в крапинах

растения знахари «узнавали» туберкулы больного человеческого легкого. Такая семасиологическая модель более характерна для татарского языка: йөрәк уты «майник, кардамин», үпкә үләне «сушеница, медуница неясная», тамак үләне «жабник полевой», талак үләне «селезеночник».

Название растения может запечатлеть те или иные свойства растения, используемые для лечения человека – потогонные, мочегонные и т.п. Так, bougrache «бурачник, (лекарственный) огуречник» восходит к арабскому «abu gache», досл «отец пота», а pissenlit одуванчик лекарственный получено путем сложения основ pisse en lit (букв. «мочись в постель»).

В отдельную группу можно выделить фитонимы, у которых в качестве определительного компонента выступает лексема officinal «аптечный, лекарственный» – véronique officinale «вероника лекарственная», mélilot officinal «донник лекарственный, донник желтый» и т.д.

У ряда лексем можно отметить стертость образа, потерю мотивированности, но в этимологическом аспекте мы видим тот или иной признак растения, запечатленный в его названии. Фитоним asplénium officinal (*Asplenium trichomanes*) восходит к греческому splen «селезенка», считалось, что это растение излечивает апатию, вялость. Tussilago «мать-и-мачеха обыкновенная» имеет латинское происхождение «tussin ago» – досл. «я изгоняю кашель». Древние врачеватели предлагали больному вдыхать дым этого растения.

Проведенный анализ языкового материала позволяет сравнить частотность основных ономазиологических моделей в исследуемых языках. Общей чертой сравниваемых языков является количественное преобладание наименований растений, основанных на их объективных признаках. Метафорические трансформации одного из элементов, а также аллюзии на этиологические мифы в большей степени присущи английскому и французскому языкам. Для татарского языка более характерны фитонимы, в семантику которых включена оценочность, а также наименования, в которых отражены функционально-целевые признаки растений.

Выделенные и описанные нами ономазиологические модели не являются непротиворечивыми и исчерпывающими. Наблюдается и определенная условность при установлении принадлежности вторичных номинаций к тому или иному типу. Тем не менее установленная нами типология принципов номинации позволяет увидеть общее и отличное в членении окружающей действительности

в различных лингвокультурах и вносит свой вклад в решение сложной и многогранной проблемы языковой номинации.

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144с.
2. Голев Н.Д. О некоторых ономазиологических особенностях диалектных наименований одной тематической группы (на материале народных названий рыб) // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. – Красноярск: Изд-во КрКПИ, 1978. – С. 59–69
3. Каминская Ю.А. Лексический класс, его семантический и фразеологический потенциал: (Названия растений и растительных организмов в современном русском литературном языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.21. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова –2002. – 21 с.
4. Колосова В.Б. Этноботаника: растения в языке и культуре / В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. – СПб.: Наука, 2010. – 386 с.
5. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М.: Наука, 1967. – 132 с.
6. Саберова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2006. – 130 с.

References

1. Akhmetyanov R.G. *Obshaya leksika dukhovnoy kultury narodov Srednego Povolgya*. [Common vocabulary of spiritual culture of the nations of the Middle Volga]. Moscow, Nauka, 1981, 144 p.
2. Golev N.D. *O nekotorykh onomasiologicheskikh osobennostyakh dialektnykh naimenovanij odnoy tematicheskoy gruppi (na materiale narodnykh nazvaniy ryb)* // *Voprosi issledovaniya leksiki i fraseologii sibirskikh govorov*. [Several onomasiological peculiarities of dialectal names of one theme group (on the material of popular names of fish) // Issues on vocabulary and phraseology of Siberian dialects]. Krasnoyarsk, KrGPI, 1978, pp. 59–69.
3. Kaminskaya Y.A. *Leksicheskij klass, jeho semanticheskij i fraseologicheskij potentsial (Nazvaniya rastenij i rastitelnykh organizmov v sovremennom russkom literaturnom yazyke)*. [Lexical class and its semantic and phraseological potential (Names of plants and plant bodies in the modern Russian literary language)]. Moscow, Russian Academy of Sciences, 2002, 21 p.
4. Kolossova V.B. *Etnobotanika: rasteniya v jazike i kulture*. [Ethnobotanic: plants in language and culture]. Petersburg, Nauka, 2010, 386 p.
5. Merkulova V.A. *Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij*. [Essays on Russian folk nomenclature of plants]. Moscow, Nauka, 1967, 132 p.
6. Saberova G.G. *Nazvaniya rastenij v tatarskom literaturnom jazike*. [Names of plants in the Tatar literary language]. Kazan, Institute of Language, Literature and Art, 2006, 130 p.

Рецензенты:

Каюмова Д.Ф., д.ф.н., профессор кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики, ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань;

Давлетбаева Д.Н., д.ф.н., доцент кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики, ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань.

Работа поступила в редакцию 07.02.2014.